

*Раков В.В.,
заместитель директора-начальник отдела
использования и публикации документов
ОКУ «Госархив Курской области»*

**СУИЦИД ВРЕМЁН «РУССКОЙ СМУТЫ»
(НА МАТЕРИАЛАХ НЕБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРЕССЫ
1918 – 1920 ГГ.)**

В содержание термина «суицид» некоторые специалисты включают не только намеренное лишение себя жизни, но и отказ от реальных возможностей избежать смерти. В критической ситуации войны такое поведение известно по выражению «подставить себя под пулю». Насильственная смерть в эти периоды истории является настолько обычным явлением, что преднамеренность ухода из жизни вне поля брани (суицид) вызывает некоторое недоумение, порождающее мнение о снижении количества «обычных» суицидальных практик в период войн и революций.¹

В данной публикации речь пойдёт о суицидах, совершенных в тыловых районах, напрямую не связанных с боевыми действиями. В своём большинстве это гражданское население городов, хотя доля военнослужащих, находящихся в отпусках, на излечении, в служебных командировках или состоящих в тыловых частях в них достаточно велика. Это обстоятельство даёт дополнительный импульс научному поиску, поскольку повседневная жизнь жителей городов в годы Гражданской войны в преломлении её асоциальных проявлений изучена недостаточно широко. Вне пределов нашего исследования остались крестьяне и участники небольшевистских вооруженных формирований, находившиеся на театре боевых действий.

Источниковой базой исследования стала небольшевистская пресса юга России и Закавказья. Выбор газет в качестве источника не случаен: никакого системного сбора материала о суицидах в годы Гражданской войны не

велось. Вместе с тем в местной периодике регулярно публиковалась информация о самоубийствах. Далеко не все газеты публиковали эту информацию. Таковая, например, отсутствует в официальных изданиях небольшевистских военно-политических режимов. В отличие от них частная пресса, партийная и беспартийная, включала в новостные разделы (под рубриками «Происшествия», «Местная жизнь») сообщения о случаях суицида в городах – местах издания газет.

Природа этих сообщений не вполне ясна. Их нельзя признать официальными, но вероятность получения журналистами первичного материалы от государственных чиновников или служащих органов внутренних дел (полиция в Ростове-на-Дону и национальная гвардия в Тифлисе) достаточно высока. Об этом свидетельствует общий контент информационных сообщений об одних и тех же случаях самоубийства, размещённых в разных газетах. В то же время наличие с одной стороны деталей в одних случаях и разночтений – в других, показывает на неофициальный способ производства и размещения информации, приводивший к искажению материала. Так, например, «Приазовский край» в номере от 10 (23) августа 1919 г. сообщает: «Самоубийство. **8 августа** (здесь и далее выделено нами. – *В.Р.*), в д. № **211**, по Пушкинской ул., отравилась карболовой кислотой Ю.Л. **Семтух**, 19 лет. Причина самоубийства – романтическая история». Ростовская «Жизнь» в свою очередь размещает эту же информацию в следующем изложении: «Самоубийство. **7 августа** отравилась карболовой кислотой девица Ю.Л. **Семчук**, 19 л. (Пушкинская, **24**). Причина романтическая».²

Конечно, газетную информацию нельзя признать исчерпывающей: вероятно далеко не все случаи самоубийств в больших городах становились предметом гласности. Кроме того, практически не сохранилось полных годовых комплектов газет. Образовавшиеся информационные лакуны не позволяют получить абсолютную статистическую картину совершенных

суицидов, но количество выявленных материалов позволяет говорить о репрезентативности выборки.

В качестве географических объектов исследования нами избраны два крупных города бывшей Российской империи: Тифлис и Ростов-на-Дону. Эти города достаточно близки по числу жителей (наличное население Тифлиса по состоянию на 17 декабря 1926 г. составляло 292 973 чел.; а Ростова-на-Дону с Нахичеванью – 308 284 чел.)³, многонациональны и являлись крупными военно-политическими, экономическими и транспортными центрами на юге России.

В качестве источника по Тифлису взята известная русскоязычная газета «Кавказское слово», издававшаяся с 1914 г. В 1919 – 1921 гг. эта газета выходила под названиями «Закавказское слово» и «Слово». В научной библиотеке Государственного архива РФ и РГБ сохранились годовые комплекты газеты, с некоторыми изъятиями. Хуже всего представлен период с января по апрель 1919 г., что, несомненно, отразилось на общей статистике, хотя вряд ли изменило представление о развитии общих тенденций. В качестве источника по Ростову-на-Дону взяты газеты «Приазовский край» (1918 – 1919 гг.) и «Жизнь» (1919 г.). Годовые комплекты газеты «Приазовский край» сохранились не полностью. Подсчет суицидов по Ростову-на-Дону произведён с июня 1918 г. по декабрь 1919 г., т.е. за период, когда город контролировался деникинцами.

В результате анализа тифлисской газеты за период с января 1918 по декабрь 1920 г. нами выявлено 79 случаев суицида, в том числе 14 не фатального исхода. Большая их часть приходится на 1918 (30 случаев) и 1919 (25 случаев) годы. С точки зрения сезонности на зиму (декабрь – февраль) приходится 13, на весну (март – май) – 27, на лето (июнь – август) – 23 и на осень (сентябрь – ноябрь) – 16 случаев суицида. Таким образом, на весну – лето приходилось 63,3% всех суицидов. Любопытен сезонный показатель числа женских суицидов: зимой он равен 69,2% от числа всех суицидов

этого периода, весной – 50,0%, летом – 52,0% и осенью – 18,7% от общего количества суицидов.

За период с июня 1918 по декабрь 1920 г. по Ростову-на-Дону нами выявлено 68 случаев суицида, в том числе 5 не фатального исхода. Большая их часть приходится на 1919 (46 случаев или 67,7%). С точки зрения сезонности на зиму (декабрь – февраль) приходится 6, на весну (март – май) – 7, на лето (июнь – август) – 27 и на осень (сентябрь – ноябрь) – 28 случаев суицида.

Гендерный анализ тифлисских материалов дал следующие результаты: число суицидов, совершенных мужчинами несколько выше такого же женского показателя: 56,9% против 43,1%. Но если это соотношение практически полностью относится к 1918 г. (40% женских суицидов) и близко в 1919 г. (32% женских суицидов), то в 1920 г. ситуация кардинально меняется: женские суициды составляют уже 58% от общего числа. Видимо, количество мужских суицидов снижалось, а женских возрастало по мере стабилизации политической и военной обстановки.

Гендерный анализ ростовских суицидов дал иные результаты: число суицидов, совершенных мужчинами значительно выше такого же женского показателя: 70,6 % против 29,4%. Вероятней всего сказался тот фактор, что в отличие от Тифлиса Ростов-на-Дону был перегружен белыми частями, партизанами и частично донскими казаками, а также входил в зону активных боевых действий. Здесь располагались многочисленные лазареты и госпитали. Это положение находит подтверждение в доле военных, совершивших суицид в Ростове-на-Дону, которая составляла 18 случаев (26,6% от общего числа).

Выявленные данные позволяют установить способы совершения суицидов. Абсолютное большинство суицидов в Тифлисе совершено с помощью огнестрельного оружия (наган, револьвер, австрийский карабин, винтовка) – 46 случаев (58,2%). Только в 13 случаях точно установлено, что оружие принадлежит хозяевам легально: милиционеры, военнослужащие

грузинской национальной гвардии, отдельных воинских формирований бывшей российской армии, нестроевых команд, армянского кавалерийского полка и т.п. Зачастую огнестрельным оружием как орудием самоубийства пользовались гражданские лица: инженер, студент, сестра милосердия, кассирша кондитерской и официант кафе и даже 14-летняя дочь сторожа. Кстати, с помощью огнестрельного оружия счеты с жизнью свели 15 женщин, т.е. почти половину от числа всех женщин-самоубийц.

Чаще всего огнестрельное оружие использовалось в 1918 г. (19 случаев или 63,3% от общего количества самоубийств, совершённых в этом году). В 1919 и 1920 гг. этот показатель составил соответственно 14 и 13 случаев (56% и 54,2%). На наш взгляд, массовость применения огнестрельного оружия в 1918 г. связана с рядом факторов: с продажей (обменом) оружия на продукты питания и спиртное демобилизованными солдатами с Кавказского фронта; насильственным разоружением грузинскими и татарскими (азербайджанскими) официальными и неофициальными структурами демобилизованных солдат; разграблением складов вооружений в городе и окрестностях. Оружие «расползалось» среди гражданского населения и становилось предметом нелегальной торговли. В последующем с упрочением государственных структур Республики Грузия, изъятием оружия у населения ситуация стала менее благоприятной с точки зрения бесконтрольного использования оружия.

Большинство ростовских суицидов также совершено с помощью огнестрельного оружия – 26 случаев (38,2% от общего числа). В 1918 г. (с июля по декабрь) огнестрельное оружие использовалось самоубийцами 9 раз, в 1919 – 17. С помощью огнестрельного оружия в Ростове-на-Дону счеты с жизнью свела одна женщина. Как мы видим этот показатель кардинально отличается от тифлисского, где оружие было более доступно для гражданского населения в целом.

Вторым по популярности способом добровольного ухода из жизни в Тифлисе стало отравление – 14 случаев (17,7%). Для отравления

использовались раствор опиума, формалин, сулема (хлорид ртути), соляная и карболовая кислота, яд. По этому показателю доминируют женщины – 11 случаев. В Ростове-на-Дону отравление – лишь третий по популярности способом добровольного ухода из жизни: всего зафиксировано 12 таких случаев (17,6% от общего числа суицидов). К отравлению прибегали главным образом женщины – 9 чел. Чаще всего в Ростове-на-Дону для отравления применялась карболовая кислота (5 случаев), имели место и случаи отравления нашатырным спиртом и атропином.

Вторым по массовости способом осознанного ухода из жизни в Ростове-на-Дону стало повешение. В этом городе нами зафиксировано 17 случаев повешения (15 у мужчин и 2 у женщин). Этот показатель выше тифлисского в два раза, причем характеризуется очевидным преобладанием мужчин. Так ушел из жизни в помещении управления городской стражи арестант И.Ф. Белоусов, обвиняемый в кражах; в своём доме, находясь в состоянии длительного запоя, повесился на спинке кровати 54-летний С.И. Марченков; в уборной Никольской городской больницы повесился находящийся на излечении 36-летний Спиридон Бирюков; в своей квартире по Нахичеванскому пер. повесилась душевно-больная М.А. Трегубова и т.п. Чаще всего этот способ ухода из жизни выбирали больные и раненые люди, имевшие ограниченные физические возможности и возможности выбора орудия суицида. В Тифлисе зафиксировано 8 случаев повешения (5 муж. и 3 жен.).

В остальном статистика способов самоубийств по Тифлису выглядит следующим образом:) использование холодного оружия – 4 случая (3 муж. и 1 жен.), утопление – 3 случая (2 муж. и 1 жен.), падение с высоты – 3 случая (все жен.). В одном случае способ самоубийства не указан. По Ростову-на-Дону статистика других способов совершения суицида такова: в 2-х случаях (2 жен.) использовалось холодного оружия, в 2 –х случаях (1 муж. и 1 жен.) – падение с высоты. В 9 случаях (13,2%) способ самоубийства не указан.

В 28 случаях (35,4%) суицида в Тифлисе указана их причина: «романтическая любовь» – 9 (4 муж., 5 жен.), «разочарование жизнью» – 7 (4 муж., 3 жен.), совершённое преступление, предшествовавшее самоубийству – 4 (все муж.), семейный конфликт – 3 (1 муж., 2 жен.) и тяжёлая болезнь – 3 (1 муж., 2 жен.). Приведённые данные легко убеждают, что война мало, что изменила в мотивации суицидов.

Ростовская пресса не всегда сообщала о причинах самоубийств. Они указаны лишь в 28 случаях (35,4%). Причинами 6 самоубийств в Ростове-на-Дону являлись материальный фактор и финансовые проблемы: бедность, отсутствие заработка, потеря службы и состояния. Например: «12 апреля [1919] чинами стражи 4 участка в квартире по Очаковской ул. обнаружены были два трупа: А. Сервишевой, 60 лет и Е. Решетниковой, 50 лет; оба отравились. Дознанием установлено, что Сервишева и Решетникова жили в крайней нужде и занимались нищенством».⁴

В Ростове-на-Дону зафиксирован один случай массового самоубийства по аналогичной причине. 26 ноября (9 декабря) 1919 г. в квартире А.М. Носкова, проживавшего по ул. Пушкинской, 218, были обнаружены трупы целой семьи, погибшей от отравления угарным газом. В оставленной записке было написано: «Мы, И. Николаевский, жена его Анна и сын П. Николаевский умираем добровольно, т.к. злые люди не хотят нам помочь и мы голодаем».⁵

Еще в шести случаях причиной самоубийства становилось предшествующее ему преступление, например: «9 мая, около 12 час. дня, прапорщик N-ского офицерского генерала Дроздовского полка В.Н. Букреев в своей квартире (Шестая ул., д. № 14) застрелил своего сына Льва, 2-х лет, после чего застрелился».⁶ Подобного рода случай произошел в 7-м участке городской стражи, где признавшийся в убийстве с целью ограбления торговца с Нового базара арестованный И.С. Ковалёв повесился в камере на верёвке, свитой из собственной рубахи.⁷

Резонансным по своей трагичности и одновременно нелепости стал случай с полковником В.В. Колюжновым, командиром автомобильного броне дивизиона Кавказской армии, который застрелился в своём служебном кабинете 18 июня (1 июля) 1919 г. в 4 часа дня. Покойному было 42 года. Участник Первой мировой войны и Первого ледяного похода 1918 г. Как писал «Приазовский край», причиной самоубийства В.В. Колюжнова «послужил печальный случай: на днях он ехал на грузовом автомобиле, тормозы которого неожиданно лопнули и автомобиль наскочил на базарной площади в Нахичевани на киоск. Во время этой катастрофы слегка была ранена девочка». Этот случай сильно взволновал полковника, который постоянно справлялся о состоянии здоровья девочки. Накануне самоубийства полковнику Колюжнову кто-то позвонил по телефону и сообщил, что девочка умерла. Нервы боевого офицера не выдержали и он застрелился. А через час по телефону сообщили, что девочка жива и её жизнь вне опасности.⁸

В двух случаях мотивы ростовских суицидов имели политический характер. После допроса и обвинения в большевизме и участии в аресте генералов Рузского и Радко-Дмитриева из окна третьего этажа здания, где размещалась деникинская контрразведка, выбросился некто Складенко.⁹ 13 (26) августа 1919 г. совершил суицид студент Петроградского политехникума. Причиной самоубийства, как видно из оставленного письма, стали якобы напрасно возводимые против него обвинения в причастности к большевизму.¹⁰ К слову сказать, по ростовским материалам нам известно лишь о пяти предсмертных записках, написанных исключительно самоубийцами-мужчинами.

По тифлисским материалам известно лишь о 9 случаях (5 муж., 4 жен.) оставления предсмертных записок. Так, в квартире по Михайловской ул., 27, где повесилась Пелагея Рамченко, была оставлена записка, по смыслу которой причина самоубийства «романтическая».¹¹ 10 сентября 1920 г. в 6 часов утра, на своей квартире отравился сулемой директор 4-й гимназии М.К. Заалишвили. Все свои труды покойный завещал грузинскому обществу

распространения грамотности.¹² В записке, оставленной Аршалуйс Айдавянц, отравившейся формалином, содержалась просьба никого не винить в её смерти.¹³

Как считают психиатры, суицид у душевнобольных наиболее вероятен в период ремиссии, при вялом течении заболевания. В этом случае суицид или суицидальная попытка нередко является первым явным проявлением психического расстройства. Поэтому прямое указание лишь на два случая наличия явного психического расстройства у людей, совершивших суицид, на наш взгляд не раскрывает полной картины: или наличие психических заболеваний не всегда указывалось в газетной информации, или эти заболевания протекали латентно от общества. Впрочем, самоубийства очень часто были вызваны не какой-то одной причиной, а целым комплексом их.

В 17 случаях (9 муж. и 8 жен.) можно говорить о возрасте самоубийц в Тифлисе. Самый юный возраст – девушка 14 лет, самый старший – мужчина 40 лет. Все остальные находятся в интервале от 17 до 30 лет, т.е. продуктивном возрасте. О возрасте ростовских самоубийц можно говорить лишь в 19 случаях (27,9% от общего числа). Самый юный возраст – мальчик 11-ти лет, самый старший – мужчина 85-ти лет. В отличие от Тифлиса в Ростове-на-Дону имелось много самоубийц старше 30 лет.

Национальность самоубийц в тифлисских газетных публикациях не указывалась, но анализ имён и фамилий, а также конфессиональная принадлежность позволяет, конечно, несколько условно, установить их национальность: русские – 23, грузины – 12, армяне – 3, евреи – 2, абхазы – 1, немцы – 1. Подобная национальная мозаика в целом характерна для Тифлиса, а преобладание русских свидетельствовало о значительном ухудшении их правового и экономического положения. К сожалению, по имеющейся информации практически невозможно определить национальность самоубийц в Ростове-на-Дону.

Определённый интерес представляет статистика мест совершения суицида. Абсолютное большинство самоубийств в Тифлисе – 40 (25 муж. и

15 жен.) было совершено в привычной обстановке в местах проживания, съёмных или собственных квартирах. Ещё 11 самоубийств зафиксировано в гостиницах и пансионатах. Часть лиц в первом случае и все – во втором относились к числу приезжих. Приезжие, как и военные, были подвержены большему риску совершения суицида, чем местное население.

Девять раз местом суицида становилось место службы, работы или учебы: 41-й гвардейский лазарет, помещение Главного штаба народной гвардии, автомобильная мастерская, помещение управления Джульфа - Бакинской ж.д. и т.п. Особый смысл в добровольное принятие смерти вкладывался в тех случаях, когда самоубийство осуществлялось публично: в ложе синематографа, в саду Муштаид, в парке в районе 12-го комиссариата, на скаковом поле, на мостах через Куру. Некоторое религиозно-мистическое содержание просматривается при совершении суицидов в ограде церкви Иоанна Богослова, у миссионерской церкви, на Кукийском кладбище.

Абсолютное большинство самоубийств в Ростове-на-Дону, как и в Тифлисе было совершено в местах проживания на съёмных или собственных квартирах (33 случая) и гостиницах (2 случая). Двенадцать суицидов (все мужчины) совершено в публичных местах, восемь – в медицинских учреждениях. Добровольный уход из жизни, связанный с невыносимым физическим или эмоциональным страданием либо с неизлечимой болезнью, психологи иногда называют рациональным самоубийством.

К сожалению, у нас нет статистических материалов по суицидальной практике предыдущих лет, что делает невозможным подтверждение или опровержение тезиса об уменьшении количества самоубийств среди горожан в годы революций и войн. Вместе с тем полученные результаты позволяют выявить как общие черты, так и особенности этого явления, в том числе и регионального характера и стать первичной базой для продолжения исследований.

-
- ¹ См.: Суицидология: Учебное пособие. Томск, 2011. С. 25.
- ² Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1919. 10 (23) августа; Жизнь. Ростов-на-Дону. 1919. 10 (23) августа.
- ³ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927-1929. В 10 т. Вып. 3: Население СССР. М., 1927. С. 62.
- ⁴ Приазовский край. 1919. 16 (29) апреля.
- ⁵ Жизнь. Ростов-на-Дону. 1919. 29 ноября (12 декабря).
- ⁶ Приазовский край. 1919. 11 (24) мая.
- ⁷ Жизнь. Ростов-на-Дону. 1919. 22 августа (4 сентября).
- ⁸ См.: Приазовский край. 1919. 20 июня (3 июля).
- ⁹ Приазовский край. 1919. 21 июня (4 июля).
- ¹⁰ Жизнь. Ростов-на-Дону. 1919. 15 (28) августа.
- ¹¹ Кавказское слово. Тифлис. 1918. 30 января.
- ¹² Слово. 1920. 11 сентября.
- ¹³ Слово. 1920. 1 декабря.